

ДОМ краеведение

«Базар» для элиты

Легенды

Прямо на Красной площади, на месте Средних торговых рядов, сейчас ведется строительство отеля с апартаментами, который обещает стать самым роскошным в Москве. А в конце позапрошлого века самая что ни на есть элитная гостиница «Славянский базар» (тоже с апартаментами) располагалась неподалеку, на Никольской улице. Наши предки были посромнее, чем мы: фронтальный вид на Красную площадь был недоступен даже самому богатому купцу. Впрочем, у «Славянского базара» было много других достоинств.

Все началось в 1872 году, когда предприниматель А. А. Пороховицкий открыл на улице Никольской новую гостиницу с роскошными апартаментами. Сделал заказ архитектору А. Веберу, и спустя год на улице Никольской (сейчас дом №117) возник новый отель под названием «Славянский базар».

Здесь останавливались известные гости Москвы — В. В. Стасов, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, Г. И. Успенский, Ф. Нансен и многие другие. Можно сказать, что по числу почетных посетителей эта гостиница до революции лидировала. Располагали к этому и местонахождение (самый центр города), и менеджмент, и комфорт. Многие снимали здесь апартаменты не на день или два, а жили месяцами и годами. Можно сказать, ее воспринимали как свой собственный дом, в котором, однако, нет необходимости заботиться о поддержании чистоты и порядка и исправности всякого рода оборудования. Все это брали на себя сотрудники «Славянского базара».

Большинство постояльцев были довольны и счастливы. Еще бы! Новая гостиница к тому располагала. Владимир Гиляровский вспоминал: «Фешенебельный „Славянский базар“ с дорогими номерами, где останавливались петербургские министры, и сибирские золотопромышленники, и степные помещики, владевшие сотнями тысяч десятин земли, и... аферисты, и петербургские шулера, устраивавшие карточные игры в двадцатирублевых номерах. Ход из номеров был прямо в ресторан, через коридор отдельных кабинетов. Схватись и женись».

Многие, вероятно, так и поступали. Со временем гостиница, конечно, поизносилась, но не растеряла лоска. Петр Боборыкин так писал о ней: «Большими деньгами дышал весь отель, отстроенный на славу, немного уже затоптанный и не так старательно содержимый, но хвостик, бросающийся в нос своим московским комфортом и убранством».

Словом, гостиница была не из последних. Жить в ее апартаментах было и престижно, и комфортно. Эта гостиница прославилась не только номерами, коридорами и постояльцами, но и одним из номеров, открытым при отеле спустя год.

В «Славянском базаре» когда-то были самые роскошные апартаменты Москвы. ФОТО СЕРГЕЯ МИХЛЕВА

Ресторан создавался с размахом. Гиляровский восхищался: «Здание „Славянского базара“ было выстроено в семидесятых годах А. А. Пороховицким, и его круглый двухэтажный зал со стеклянной крышей очень красив».

Илья Репин даже написал для него специальную картину под названием «Славянские композиторы» (полное название «Собрание русских, польских и чешских музыкантов»). Полотно было настолько хорошо исполнено, что после революции его не погнушались увезти в консерваторию, где разместили над парадной лестницей — как раз там, где живописец создавал это полотно. Так что картина как будто вернулась на родину.

Но главное, это был первый русский ресторан в Москве. Ранее рестораны открывали исключительно французы. Русский общепит представлен был трактирами с большими деревянными столами, закопченным потолком, «машинной», исполнявшей попусу тех лет, и половыми ярославцами — жуликоватыми, но расторопными парнями,

стриженными в кружок. Здесь же кухня была русская, а обслуживание на европейский лад.

Писатель Петр Боборыкин так расхваливал это, по сути, культовое общепитовское заведение: «Ресторан „Славянского базара“ доел свои завтраки. Оставалось четверть до двух часов. Зала, переделанная из трехэтажного базара, в этот ясный день поражала приезжих из провинции, да и москвичей, кто в ней редко бывал, своим простором, светом сверху, движением, архитектурными подробностями. Чугунные выкрашенные столбы и помост, выступающий посредине, с купидонами и завитушками, наполнили пустоту огромной машины, останавливали на себе глаз, щекотали по своему смутное художественное чувство даже у заскорузлых обывателей откуда-нибудь из Чухомы или Варнавины».

Подобных посетителей здесь было полным-полно. Ведь в Китай-город по купеческим делам съезжались представители практически всех российских фирм, в том числе из самых отдаленных и глухих уездных городков. И, разумеется, купец

шел не куда-нибудь, а в «Славянский базар». Во-первых, потому, что это статусно (даже в Варнавине ходили легенды о московских ресторанах, среди которых этот занимал одно из первых мест), а во-вторых, так как московские коллеги часто приглашали коммерсанта из провинции откусать — в надежде, что упившийся провинциал сделается более сговорчивым. Однако подобные надежды не всегда оправдывались: житель спокойного, экологически чистого городка «держал градус» лучше, чем обитатель суетливой и загаженной заводи первопрестольной.

На провинциала больше действовали не напитки, а невиданные интерьеры, которые Боборыкин описывал так: «Идуший овалом ряд широких окон второго этажа с бюстами русских писателей в простенках показывал изнутри драпировки, обои под изразцы, фигурные двери, просветы площадок, окон, лестниц. Бассейн с фонтанчиком прибавлял к смягченному топоту ног по асфальту тонкое журчание струек воды. От них шла свежесть, которая

говорила как будто о присутствии зелени или грота из мшистых камней. По стенам положенные диваны темно-малинового трипа успокаивали зрение и манили к себе за столы, покрытые свежим, глянцево-выглаженным бельем. Столики поменьше, расставленные по обеим сторонам помоста и столбов, слушали трагичную жизнь. Черный с украшениями буфет под часами, занимающий всю заднюю стену, покрытый сплошь закусками, смотрел столом богатой лаборатории, где расставлены разноцветные препараты. Справа и слева в передних стояли сумерки. Служители в голубых рубашках и казачьих с сборками на талье, молодцеватые и степенные, молча вешали верхние пальто. Из стеклянных дверей виднелись обширные сени с лестницей наверх, завешенной триповой веревкой с кистями, а в глубине мелькала езда Никольской, блестя вывески и подвезды».

Кстати, буфет был истинным спасением для тех, кто жаждал жить красиво, но не имел на это средств. Дело в том, что рюмка водки стоила здесь очень дорого — 30 копеек (в большинстве московских ресторанов не больше десяти), но, выпив ее, можно было закупить почти без ограничений. И некоторые экономя, выпив всего-навсего три рюмки и оставив гривенник на чай, на весь день.

Публика же здесь была довольно специфическая. Гиляровский вспоминал: «Обеды в ресторане были непопулярны, ужины — тоже. Зато завтраки, от двенадцати до трех часов, были модными, как и в «Эрмитажке». Купеческие компании после „трудов праведных“ на бирже являлись сюда во втором часу и, завершив за столом миллионные сделки, к трем часам уходили».

И возникали драматические диалоги. — У меня в тарелке решетчатые какие-то. К чему бы? — спрашивал один купец другого.

— Видимо, не избежать тебе тюрьмы? — таков, как правило, был ответ.

А дело в том, что потолок «Славянского базара» сделали стеклянным, и в посуде отражались переплеты потолка. Можно себе представить, как любили постояльцы этого отеля прямо из апартаментов, даже не выходя на улицу, сразу очутиться в таком колоритном месте.

По сути, этот ресторан был одним из важнейших центров деловой жизни России. Неудивительно, ведь он располагался в Китай-городе, прозванном островами «московским Сити». Некоторые предприниматели проводили здесь большую часть времени: совершать сделки в неформальной обстановке было гораздо эффективнее, нежели в собственных конторах.

Привлекательным было не только качество спиртного, но и форма тары. К примеру, самый дорогой коньяк (он стоил 50 рублей) был помещен в оригинальные бутылки, расписанные золотыми журавлями. Но тот коньяк и правда был хорош, а емкость из-под него была вещь престижной. Как правило, такой роскошный посетитель уносил домой бутылку с журавлями и помещал ее на полку — в общество других таких же емкостей. Богатые купцы друг перед другом хвастались числом бутылочек с журавлями.

Самыми знаменитыми здешними посетителями были два самых известных русских режиссера. В 1897 году сотрудник газеты «Новости дня» и член московского отделения Театрально-литературного комитета Владимир Иванович Немирович-Данченко послал письмо директору Промышленного товарищества и потомственному почетному гражданину Константиноу Сергеевичу Алексееву (в артистических кругах известному под псевдонимом Станиславский). В письме он предлагал Станиславскому встретиться и поговорить на тему, которая, может быть, его заинтересует. И сказал, что бу-

дет в Москве 21 июня. Тот ответил телеграммой: «Очень рад, буду ждать Вас 21 июня в 2 часа в „Славянском базаре“».

Возможно, в этом проявилась барствость члена купеческой династии — он даже не поинтересовался, удобно ли Немировичу такое время, да и вообще, успеет ли его корреспондент прибыть в Москву к этому часу. Так или иначе, Немирович-Данченко успел, и в два часа они прошли в отдельный кабинет лучшего ресторана города.

По слухам, счет, выставленный собеседникам, составил примерно годовой бюджет будущего театра. Вероятно, это только слухи. Судя по протоколу, который там вели соплеменники, их в первую очередь интересовали идеалы новой культуры. Вот, к примеру, выдержки из протоколов: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты», «Сегодня — Гамлет, завтра — статист, но и в качестве статиста он должен быть артистом», «Всякое нарушение творческой жизни театра — преступление».

Ближе к вечеру будущие основатели Художественного театра переместились на дачу Станиславского в Люблинскую, где и продолжили беседу. Она в общей сложности составила восемнадцать часов. Но богатым собеседникам это, пожалуй, было не впервой.

При советской власти отель, к сожалению, закрыли. Ресторан, однако, старался держать марку. Во всяком случае, придерживался старого направления — русской кухни. Здесь подавали похлебку по-суворовски из осетрины, солянку сборную старомосковскую, фруктовый суп с бисквитами и прочие неуступавшие этим блюда. А поначалу «Славянский базар» славился стерлядкой колокольчиком, солеными хрящами, ботвиньей (похлебкой на квасной основе из ботвы и рыбы), ухой и поросенком с хреном.

Ближе к концу XX столетия тот ресторан сторел. И так и не был восстановлен.

Алексей Митрофанов

ПРЕМЬЕРА

НОВЫЙ
ЖИЛОЙ
КОМПЛЕКС

БИРЮЗОВА, 41
ДОМ В СОСНОВОЙ РОЩЕ

Новый жилой комплекс расположен в окружении сложившейся застройки северо-запада Москвы, «зеленом треугольнике» между Соколом, Строгинской поймой и Серебряным бором, в 5 минутах от метро «Октябрьское поле». Строящийся Звенигородский проспект напрямую свяжет район с Садовым кольцом.

«Бирюза, 41» возводится по соседству с сосновой рощей, в отдалении от шумных магистралей. Внешний облик здания — классические традиции московской архитектуры в современном прочтении. Фасады отделаны натуральным камнем и клинкерной

плиткой светлых тонов. Эффектный элемент фасадов — сплошные вертикали эркеров, придающие зданию визуальную легкость.

В жилом комплексе представлены квартиры площадью от 65 до 148 кв. м. Свободная планировка, большие плоскости остекления и высокие потолки создают в квартирах светлое и уютное пространство.

Дом имеет собственную охраняемую территорию, благоустроенный двор с детским игровым городком.

УНИКАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

АРЕНДА КВАРТИР

TRADE-IN

ГРУППА КОМПАНИЙ «ДОН-СТРОЙ»
105 47 47 105 49 30
www.don-stroy.com